

«Домик няни» в Михайловском: легенды и жизнь

Главная прелесть Михайловского парка - в обрыве над Соротью и в домике няни Арины Родионовны, единственном домике, оставшемся от времен Пушкина. Домик так мал и трогателен, что даже страшно подняться на его ветхое крыльцо.

*Константин Паустовский.
«Михайловские рожи»*

К небольшому флигелю, который мы называем «Домиком няни», еще с давних пор сложилось особое отношение со стороны приезжающих в Михайловское паломников. И в этом есть своя причина. Это была единственная постройка, видевшая в своих стенах Пушкина, «скромный обломок архитектурного прошлого». «Нас привлекает «домик няни». Это единственное, что теперь осталось от Пушкинских времен... Больше в Михайловском нет ничего, чтобы могло своей наглядностью служить трамплином, от которого оттолкнулась бы наша мысль для работы по теме «былое и народное». Осталась одна природа», - писал Ф.А.Васильев-Ушкуйник в своей книге «Пушкинские уголки Псковской губернии» (1924 г.). Все это послужило причиной возникающего время от времени стремления сохранить дорогой сердцу русских домик. В начале нашего века на него даже хотели поставить «деревянную покрышку», чтобы он не превратился в «гнилушку». Накануне Великой Отечественной войны и вовсе предполагалось сделать его «вечным», т.е. привести древесину в окаменелое состояние. По окончании войны остатки домика няни извлекали из немецких блиндажей и окопов: поскольку он связан с Пушкиным, то каждая доска от него была дорога, восстанавливали его первым.

Конечно, не сразу домик няни обрел

статус такой своеобразной святыни, стал местом почитания. В пушкинское время он был просто баней или «баенкой», как называли его дворовые и крестьяне. «Помню, как обрадовался сельской жизни, русской бане!...», - писал поэт, вспоминая свой первый приезд в имение матери.

Служил ли он только баней? Судя по письмам родителей Пушкина, им случалось порой использовать домик не только по прямому назначению. Так, 5 сентября 1828 г. Сергей Львович писал дочери Ольге: «Твое последнее письмо мы получили в Новоржеве. Мы были там с г-жой и г-ном Шушериными проездом к госпоже Креницыной, у которой ночевали две ночи, и отсюда на один день съездили к г-же Тимировой. Вчера после обеда воротились и находимся в величайшем затруднении. Все это общество, числом 12 человек, напрасилось завтра, в четверг, приехать в Михайловское. Можешь вообразить, что у нас голова кругом идет от забот об их размещении и пропитании. Они все будут вповалку, а мы - в бане, которая разваливается. Но что поделать. Так они пожелали, и мы их предупредили обо всех неудобствах.»

Что касается самого Пушкина, то, согласно рассказам очевидцев, поэт порой использовал баню в качестве «кабинета». Это подтверждает свидетельство Данилы Сергеева-Ремезова, лично знавшего Пушкина, которое приводит А.Мошин в своей книге «Новое о великих писателях»: «Поэт летом устроил себе кабинет в «бане» и там работал. Когда Пушкин в этой «бане» записал-

---

Иванова Валентина Кузьминична - зав. научно-просветительным отделом музея-заповедника А.С.Пушкина «Михайловское».

ся, слуга не впускал туда никого, ни по какому поводу; никто не смел беспокоить поэта. В эту баню Александр Сергеевич удалялся часто совершенно неожиданно для лиц, с которыми он только что беседовал. В барском доме было однажды вечером много гостей. Пушкин с кем-то крепко поговорил, был очень раздражен и вдруг исчез из общества. Кто-то, зная привычки поэта, любопытствовал, что он делает, и подкрался к освещенному окну бани. И вот что он увидел: поэт находился в крайнем волнении, он быстро шагал из угла в угол, хватался руками за голову, подходил к зеркалу, жестикулировал перед зеркалом, сжимал кулаки. Потом вдруг садился к столу, писал несколько минут. Вдруг вскакивал, опять шагал из угла в угол и опять размахивал руками и хватался за голову.»

Итак, изначально домик использовался в качестве бани; как место для уединения и размышлений для Пушкина; как место для вынужденного ночлега хозяев или размещения неожиданно нагрывавших гостей.

Но потом произошла путаница. Под влиянием рассказов дворовых из соседних имений, в частности Василия Кунтузова из Дериглазова и др., видевших иногда во время их поездок в Михайловское «барина» в баньке, пошла гулять по свету версия якобы «Пушкин в этом флигеле и жил». «Я, извольте ли видеть, - рассказывал бывший дворовый господ Шелгуновых Кунтузов посещавшим Михайловское паломникам, - родился и жил в детском возрасте в сельце Дериглазове, почти что рядом с Михайловским, верстах в двух с небольшим. Долго я живу на свете, с 1817 года, помню даже, хоть еще мал был, как горевали все, когда отошел Государь Александр Павлович ... Отец и мать мои, надо вам сказать, были дворовые люди господ Шелгуновых. В прежние времена, вы извольте знать, было обыкновение отдавать крепостных людей в малом возрасте в ученье какому-нибудь ремеслу. Вот так-то и меня послали в Петербург учиться у портного. Потом опять вызвали в деревню и взяли во двор. В это-то время я и видал Александра Сергеевича Пушкина: мы езжали по соседям, и помнится мне, что

в то время, когда мне было лет пятнадцать-семнадцать, **он жил в Михайловском, в маленьком домике, который все называли «банькой»** [выделено мною – В.И.].

Это версия, не находящая подтверждения даже с точки зрения простого здравого смысла. Вышеприведенный рассказ Ремезова, как видим, подтверждает тот факт, что Пушкин просто удалялся туда от назойливых соседей, что вовсе не значит, что он там жил. Любопытно, что занимается поэзией, знает, что уединение для поэта - совершенно необходимое условие, что в тот момент, когда приходит к нему вдохновение, хотя бы какая-нибудь творческая мысль, ему нужно скрыться от людей, чтобы они не перебывали и не мешали видеть то, что проходит перед его внутренним взором, чтобы это переложить в рифмы и записать.

С годами эти рассказы обрастали новыми подробностями: оказывается, Пушкин не только жил в баньке, но и «готовил себе обед». «С бесцеремонностью, свойственной русскому человеку, мой ямщик вызвал, за отсутствием урядника, жену его, потребовал от нее ключи от дома, в коем жил сын поэта Григорий Александрович, и от домика Александра Сергеевича Пушкина, находящегося вблизи дома, и повел меня все осматривать. Домик, в котором жил Александр Сергеевич Пушкин, действительно не мог быть иначе назван, как «смирный» и как его назвал Александр Сергеевич в своей элегии «Опять на родине». Он представляет собою не что иное, как (принято у нас на Руси называть) «светелку» или флигелек небогатый, состоящий из двух комнат, отделенных одна от другой сенями, в которых уцелела плита, на которой **Пушкин готовил себе обед**» [выделено мною – В.И.] (Г.Я. Есипович, 1902г.).

Тем не менее на основе «апокрифов» наподобие кунтузовских рассказов о домике как месте постоянного пребывания поэта и создавалась легенда о том, чего на самом деле не было. И как следствие этого, в некоторых изданиях конца прошлого и начала нынешнего века появились изображения домика няни, именуемого «домиком А.С. Пушкина». А поскольку истинный дом

поэта был к тому времени за ветхостью снесен сыном поэта Г.А. Пушкиным, а на его месте построен другой, то с некоторой точки зрения назвавшие домик няни домиком поэта были и правы: в том смысле, что домик был действительно пушкинский (вернее, тот, которым иногда пользовался с разной целью А.С. Пушкин). Но жить в нем постоянно было бы просто смешно (вспомните квартиры Пушкина в Петербурге и Москве). Или представьте себе европейца по образованию и привычкам (каковым, безусловно, был Пушкин), заключенного в маленькую баньку-лачужку, где даже трудно было бы как следует разложить свои бумаги и книги. «Мы видели этот флигель. Это крохотный домишко о двух маленьких комнатках, разделенных сенями... При виде этого домика сразу возникает вопрос: зачем бы Пушкину жить в этой будке, когда в двух шагах от нее стоял целый барский дом?» (К-н, «Исторический вестник», 1909 г.)

Поскольку дом Пушкина был снесен, а почитателям нужно было поклониться тому, что имело к любимому поэту реальное отношение, маленький флигель, стены которого, в отличие от других построек, еще хранили память о пребывании в Михайловском Пушкина, начинает постепенно превращаться в место особого почитания.

Однако произошло это уже в 60-е гг. XIX в., так как для паломников, приезжавших сюда в первые десятилетия после смерти поэта (Мацкевича, Розберга и др.), памятные вехи были другие: их внимание было полностью сосредоточено на доме поэта, «столь же драгоценном для русских, как для англичан дом Шекспира, для французов дома Вольтера и Руссо, для немцев Шиллера и Гете». Банька, как и прочие хозяйственные постройки, не привлекала их внимание: они проходили «мимо служб, мимо конюшен». Это и понятно: есть главное, а есть второстепенное. Но именно полуразвалившийся дом поэта вызывал у них грустные размышления о том, что мы, русские, не умеем беречь свои святыни.

«В грустном раздумье вы долго смотрите на дом, так много изменившийся с тех пор, как в нем нет его хозяина, то на проги-

воположное зрелище вечно прекрасной, вечно юной природы. Вам хотелось бы унести на память посещения хоть цветок; но вы напрасно станете искать его: вы окружены ковылем да бурьяном. С тяжелою грустью в сердце вы оставляете жилище поэта, и через двор входите в знакомый вам парк, на который вы, **в нетерпении скорее видеть дом** [выделено мною – *В.И.*] прежде мало обращали внимания. Но здесь вас поражает то же запустение, то же отсутствие заботливости и порядка.» (Д.Мацкевич, 1848 г.)

Существует достаточно много описаний «домика няни». Они сделаны разными людьми в разное время, в основном начиная с 1896 г., т.е. накануне 100-летнего юбилея со дня рождения А.С. Пушкина. Эти воспоминания открывают окно в прошлое, рассказывают то, что не могло получить отражения ни в каком другом виде исторических источников. С годами эти свидетельства далекого прошлого приобретают еще большую ценность, так как время, события и люди вносят много неизбежных изменений в облик «пушкинского уголка».

Многим интересно, как выглядел этот домик раньше снаружи и внутри. Это нетрудно установить по воспоминаниям паломников:

«Недалеко от жилого помещичьего дома мы заметили в густой чаще жасмина и сирени небольшой деревянный домик, который наши ребята приняли вначале за исторический домик (где жил поэт). Домик состоит из двух крохотных комнат с кухней и передней, мебели вовсе нет, стены с облупившейся штукатуркой, на полу кучи мусора. Садовник говорит, что этот домик служит помещением для приезжающих к поэту гостей» (*Ф.А.Васильев-Ушкуйник, 1896 г.*);

«Мебели в домике теперь нет никакой, исключая доски от биллиарда, на котором Пушкин играл в одиночестве двумя шарами сам с собою. Сукна почти уже нет и доска сильно изуродована безжалостною рукою неделикатных посетителей, откальвающих себе на память от нее куски. Кроме биллиардной доски в домике находится обрубок пня от одной из трех сосен, упоминаемых Пушкиным в элегии «Опять на

родине». Такой же обрубок взял с собою в Вильну сын поэта Григорий Александрович Пушкин. Обрубок этот от времени значительно истлел и тоже подвергается ампутации со стороны немилосердных посетителей и представляет собою обструганный со всех сторон кусок соснового дерева. Комнаты в домике низенькие, высотой не более трех аршин с половиною, в три небольших окна каждая, оклеены они обоями в день чествования памяти поэта, также пол выкрашен был тогда. Спереди домика крытое крылечко, а позади дома открытое крылечко, выходящее в сад, спускающийся к озеру. С этого крылечка открывается великолепный деревенский ландшафт, и, при заходящем солнце, освещавшем поверхность вод озера, он так был чудно хорош, что не хотелось отрывать от него глаз, и мне воочию представлялась картина, которая изображена так поэтично в элегии Пушкина» (*Г.Я. Есипович, 1902 г.*);

«Но вот и Михайловское. Мы въезжаем в аллею старинных елей, современниц поэта, раскидистых, нахмуренных, словно поседевших от времени и непогоды.

Вот домик, в котором, как говорят, жил поэт. Крошечный, словно игрушечный, он почти совсем затерялся в зелени обступивших его кустов.

- Дом как есть старой постройки, - поясняется подошедший к нам мужичок, - весь топором рублен, нигде пиленого нет» (*Е. Шведер, 1909 г.*);

«Единственной реликвией поэта в Михайловском, кроме липовой аллеи, является флигелек, где он любил жить со своей няней - Ариной Родионовной.

- Нынче будут ставить на флигелек деревянную покрышку, - говорит управляющий (управляющий - эстонец, сопровождает нас в нашем паломничестве по Пушкинской вотчине).

Прекрасная мысль - иначе через 10-15 лет от флигелька остались бы одни гнилушки» (*В.Г. Вейденбаум, 1911 г.*).

Мы привели лишь несколько отрывков из воспоминаний паломников прошлого, но мнения о том, как выглядел домик, как правило, едины. Вот основные характеристики:

«небольшой, скромный», «крохотный домишко», «крошечный», «словно игрушечный», «маленькая и даже мизерная постройка» - это внешний вид. А вот взгляд изнутри: «убогие, низенькие горенки», «окошки крошечные, низкие потолки», «комнаты в домике низенькие, высотой не более 3-х аршин с половиною.» Еще: «он так мал и трогателен», «зарос густой зеленью», «наполовину спрятанный в зелени», «он почти затерялся в зелени обступивших его кустов» и т.д.

Кстати, что касается использования домика в качестве баньки, то все паломники второй половины XIX в. об этом не говорят; наоборот, они сообщают, что «никаких банных приспособлений, вроде полка или каменки в нем нет.» Все дело в том, что, когда на усадьбе поселился сын Пушкина Григорий Александрович в 1866 г., он сделал перепланировку домика и использовал его уже не в качестве бани, а как жилое помещение, которое иногда предоставлялось для ночлега личным гостям, а также приезжающим издалека почитателям поэзии Пушкина. С той же целью использовался флигель и после продажи имения государству в 1899 г.

«Управляющий показал мне крошечный домик рядом с большим домом; он так мал и так зарос густой зеленью, что я не заметил его раньше. Там две комнаты, и в одной из них хранятся обломки бильярда Пушкина. По моей просьбе, мне устроили ночлег в этом домишке», - писал С. Меч в своих записках о посещении Михайловского в 1907 г.

Домик поддерживался постоянными ремонтами, и это способствовало долгому продлению его исторической жизни.

Сохранились высказывания Г.А. Пушкина о домике няни, сделанные им во время бесед с различными петербургскими литераторами. Считаю целесообразным их привести, чтобы наверняка уяснить некоторые сведения об этой постройке:

«Скажите, пожалуйста, - спросил его посетивший Михайловское весной 1899 года писатель Евгений Опочинин, - уцелели здесь какие-нибудь постройки времен Александра Сергеевича или нет?

- Почти ничего, - все выстроено и пе-

рестроено вновь, за исключением маленького флигеля или, как его называют, «баненки». Он только отремонтирован, т.е. правлена крыша, полы и проч., остальное в нем все в прежнем виде.

- В этом флигеле и жил Александр Сергеевич во время своих приездов в Михайловское?

- Не думаю. Лично я помнить не могу, так как, когда умер отец, мне не было двух лет, но, судя по рассказам многих лиц, знавших отца, он всегда останавливался в большом доме. Несомненно, что он бывал во флигеле, может быть, сидел там на крыльце, но только не жил.

...

- Не позволите ли сначала прочитать вам то, что я записал со слов стариков, рассказавших мне об Александре Сергеевиче? Может быть, там есть какие-нибудь неточности ...

- Сделайте одолжение!

- Я прочитал уже известные читателям отрывки воспоминаний Кунтузова и Лощонина.

- Все это верно, - сказал, выслушав эти отрывки, Григорий Александрович, - за исключением того, что отец мой останавливался в Михайловском в маленьком флигеле. Это, как я уже говорил вам, едва ли верно. По крайней мере, все, кто знал его, утверждают, что он жил в доме» (*Опочинин Евгений, 1899*)

Журналист А. Яблоновский, посетивший Михайловское в том же 1899 г., приводит в своих путевых заметках следующий разговор с сыном поэта по поводу домика:

«Из дома мы пошли осматривать знаменитый флигель, в котором, по преданию, жил Пушкин. Это очень маленькая и даже мизерная постройка, разделенная внутри на две комнаты. От времен пушкинских дней сохранилось немного; она и при поэте была ветхой, а после его смерти пришла в совершенный упадок и была реставрирована уже его сыном.

- Вот, - сказал Григорий Александрович, - указывая на этот флигелек, - уверяют, что здесь жил мой отец: в одной половине он, а в другой няня. Но это чистейший вздор, никогда отец здесь не жил, а была

здесь в его время простая баня, совсем не приспособленная для жилья. Разделил ее на две комнаты уже я.»

Следует отметить, что в путевых заметках паломников фактически до 1911 г. название флигеля как «домика няни» не встречается. И только с 1911 г. это название вошло в оборот, привилось и прочно закрепилось за этим маленьким флигелем. Связано это с тем, что в 1911 году был открыт первый дом-музей. Единственная пушкинская постройка получила статус музейного объекта под названием «Домика няни».

С этого времени и многочисленные паломники, и почитатели великого поэта стали называть флигель, расположенный слева от музея, «Домиком няни».

«Вот **домик няни**, хоть и пустой совсем, дышит прежним духом. Истовый запах старинного жилья все еще держится в этих убогих, низеньких горенках со старинными окошками и печами, с покосившимися полами и изодранными обоями, напоминающими старинные ситцы. Я поискала под ними чего-нибудь вроде «Телеграфа», «Северной пчелы» или «Домашней беседы», но и тут оказалось не без контрафакций; на толстые бревна наклеены под обоями целые страницы «Московских ведомостей» и целые фельетоны «Голоса».

(*В.В.Тимофеева-Починковская, 1911 г.*)

«Наиболее интересен в этом отношении уже упомянутый **домик няни Арины Родионовны**. Он состоит всего из двух маленьких комнат, разделенных сквозными сенями, выходящими одним концом на запущенную лужайку, где находился, как говорят, собственный садик няни, а с другого конца открывающимся на крыльцо, на котором часто сиживала Арина Родионовна, а с нею и ее великий питомец. В одной из комнат флигелька сохранились остатки прежней обстановки - круглый белый стол и два кресла, обитые полинялой материей, с прямыми стенками и белым деревом.»

(*Д.Мышецкий, 1912 г.*)

«Во всей усадьбе от прежнего осталась одна только постройка - маленький флигелек, с крытым крыльчком - так называемый «**домик няни**». Он стоит с левой сторо-

ны от «дома-музея», наполовину спрятанный в зелени. Мебели в нем никакой уже давно не было, окошки крошечные, низкие потолки. Прямо из входной двери кухня - она же коридор. Стояла в ней еще небольшая плита, вероятно недавно переделанная, потому что кирпичи были старательно выбелены. Направо и налево две комнатки с облупившимися обоями, из-под которых местами выглядывала потрескавшаяся штукатурка.

В одной из этих комнаток стоял на подоконнике обрубок сосны, высотой около полуаршина, который все называли частью «Пушкинской сосны»...

«Домик няни» некоторые совершенно ошибочно считают тем самым, где во вре-

мя своего изгнания жил поэт. Пушкин жил в давно исчезнувшем доме, который стоял на месте нынешнего «музея».

(Гаррис, 1914 г.)

Большое значение в изучении жизни и творчества А.С. Пушкина имеют документы и материалы, почерпнутые в архивах. Но воспоминания, устные рассказы очевидцев вдруг неожиданно открывают «материалы и краски», которые позволяют по-новому взглянуть на события и дела давно минувших дней. Проникаясь ими, мы постигаем живое прошлое. «...Все это прошлое, столь близкое по времени, теперь с каждым годом, кажется, будто удаляется на несколько столетий» (*Н.Н. Врангель «Старые усадьбы»*).

Примечания

1. Русская баня. В такой бане вода действует в виде пара, образующегося от поливания водою раскаленных углей, в ней человек выдерживает гораздо высшую температуру, чем в водяной... Для образования пара устраивается особая печь под названием каменки. (Энциклопедический словарь, изд. Ф.А.Брокгауз, И.Е.Ефрон, Спб., 1891.)